

стью публично содержать одну или несколько наложниц. В одном и том же доме школа была паверху, а под ней места разврата. В верхнем этаже магистры давали уроки; в нижнем этаже нагие женщины постыдно торговали собой. В одном месте распутницы ссорились между собой или со своими любовниками; в другом клерики диспутировали и громко кричали в жарком споре. Чем кто более был легкомыслен и постыдно расточителен, тем более его восхваляли, и все отзывались о нем как о честном и великодушном человеке. Если кто-нибудь желал, по повелению апостола (Посл. к Титу, II, 12), жить среди них «целомудренно, праведно и благочестиво», то такого называли жалким скопцом и суеверным ханжей. Почти все парижские школяры (студенты), как местные, так и иностранные, занимались исключительно только тем, чтобы учиться и исследовать что-нибудь новое. Одни занимались единственно для того, чтобы знать, но это одно любопытство; другие, чтобы прославиться, но это тщеславие; наконец, иные учились, чтобы приобрести впоследствии выгоду, но это корыстолюбие и симония. Весьма немногие из них занимались, чтобы получать награды или назидать других. Они вызывали один другого и спорили между собой не только по поводу различия мнений или для диспута, но даже различие стран возбуждало у них несогласия, ненависть, сильные ссоры, и они бесстыдно преследовали друг друга всякого рода бранью и оскорблениями. Англичан они называли пьяницами и шутами; детей Франции – гордыми, изнеженными и изукрашенными как женщины; они говорили, что немцы на своих праздниках ведут себя неприлично и по-скотски; нормандцев называли тщеславными самохвалами; жителей Пуату – вероломными и льстецами; бургундцев – грубыми и глухими; бретонцев – легкомысленными и неспособными, и часто упрекали их за умерщвление Артура (убитого своим братом Иоанном Безземельным, королем Англии). Уроженцев Ломбардии называли скупыми, злыми и неспособными к войне; римлян мятежными, насильственными и злословными; сицилийцев – жестокими тиранами;

жителей Брабанта – кровожадными, поджигателями, разбойниками и хищниками; жителей Фландрии – легкомысленными, расточительными, прожорливыми, мягкими, как масло, и трусливыми. Вследствие подобных оскорблений часто переходили от слов к побоям.

Я не буду говорить о тех учителях логики, перед глазами которых летали беспрестанно «египетские мухи», то есть всякого рода софистические утонченности; никто не мог понимать их высокопарных речей, в которых, как говорит Исайя, не было никакой мудрости. Что касается до докторов богословия, «восседавших на Моисеевом ссдалище» (Матф., XXIII, 2), то они были напыщены паукой, по их жизнь никого не назидала. Проповедуя и не действуя, они сделались подобны «меди звучащей, или цимбалу звенящему» (I Посл. Коринф., XIII, 1), или капалу, выложенному камнем, который остается всегда сухим, вместо того, чтобы вести воду в сады ароматов. Они не только не видели друг друга, но старались угодливать себя, привлекая к себе учеников от других, искали славы для себя, но не заботились о душевном благе. Прислушиваясь к известным словам апостола: «Если кто епископства желает, доброго дела желает», они многожили свои пребанды и домогались мест; но они желали не доброго дела, а отличия, и заботились особенно о том, чтобы «иметь первые места на пиришествах и в синагогах, и чтобы им кланялись в народных собраниях» (Матф., XXIII, 6–7). Между тем как апостол Иаков (III, 1) сказал: «Братия мои, немногие делайтесь учителями», они, напротив, так старались о том, чтобы сделаться учителями, что не могли достать учеников иначе, как просьбами и пожертвованиями. Но более безопасно учиться, нежели учить, и скромный слушатель дороже тщеславного и ограниченного учителя. Господь сохранил между ними небольшое число людей честных и богобоязненных, «которые не стояли на пути грешников», не сидели вместе с другими на отравленном ссдалище.

VII. «Как лилия среди терния» и как роза между крапивою, «как ангел города Пергама, где сатана имеет свой трон, как дерево,